

Автор: Ерегина Марина Альбертовна,
преподаватель ГБПОУ СПО «Кувшиновский колледж»
Эссе.

Письмо Марии Голубевой, медицинской сестре Великой Отечественной войны, моей прабабушке.

Здравствуй, Машенька.

Письма пишут в настоящее, иногда – в будущее, с надеждой, что их прочтут, а я оглядываюсь назад. Я пишу письмо в прошлое – тебе, Машенька. Ты меня никогда не видела, а я знаю тебя с детства. В нашем доме на старинном комодѣ стоит посеребренная временем фотография: на летящей качели смеется девушка и машет рукой в объектив. Эту фотографию поставила на комод твоя мама и сказала: «Мария всегда будет с нами.» Это был день, когда пришла похоронка... С тех пор прошло много времени, уже нет твоих родителей, ушел твой сын -мой дедушка, а ты по-прежнему с нами, и все также весело смеешься.

Странно, правда. Ты – моя прабабушка, но мы с тобой почти ровесницы, почти сестры, почти подруги, почти рядом... У моей руки лежат твои письма с фронта и дневник, который попал к нам чудом- его привез после войны молодой лейтенант, имени которого я не знаю, но о котором помню, как и все в нашей семье.

Ты не забыла, что написала в дневнике 28 июня 1941 года? Вот эта запись: «Сжимаются кулаки от злобы и негодования! Началась война с немецким фашизмом. Эти звери напали на нас... Чудовищно! Но разве дрогнет советский человек перед гитлеровским вырождением. Нет, не бывать никогда такому! У всех в душах и делах одно – стремление к победе. Дерутся бойцы. Кровь горит от негодования. А как жалею, что не смогла доучиться в аэроклубе! Сразу бы пошла в авиацию и попросилась в бой. Наш народ победит! Обязательно, непременно...»

Эти строки ранят мне душу, заставляют чаще биться сердце. Нет, вы были все-таки удивительным, невероятным поколением – чистым, светлым, жизнерадостным, верующим в прекрасное будущее и идеалы чести, совести и братства. Вы самозабвенно любили Родину и, несмотря на молодость, умели не только красиво говорить, но и делать дело... Вы с подругой решили идти

на курсы медсестер, а затем – на фронт, и твой папа, Машенька ,держа твою дочь на своих руках, сказал тихо, но твердо:»Поступай, как считаешь необходимым.»

Читаю твой дневник дальше: «3 июля 1941 г. Тороплюсь на дежурство. Пишу наспех. Кошмарное дыхание войны все ближе и ближе...Враг бросил в битву огромнейшие силы. Уже много наших городов и сел захвачено. Фашисты топчут земли Украины, Белоруссии...Мы с Ксюрой только и мечтаем о фронт . Но пока осваиваем азы медицинской помощи...Скорее бы приняться за настоящее боевое дело!»

Ну, почему! Почему ты рвалась в самое пекло? Почему – юная, нежная, красивая, только прикоснувшаяся к любви и материнству, - ты бросала вызов самой жизни. Что было в вас такого, что позволяло пренебрегать инстинктом самосохранения. Любовь к Родине? Милосердие души? Порядочность - «не могу иначе»? Что толкало вас идти туда, где в смертельной схватке проливают кровь мужчины? Влекомые душевным порывом, вы бросались в испепеляющий огонь войны, сгорая в нем, но успевая спасти чьи-то жизни...

«14 сентября 1941года. Все девушки потрясены первой гибелью «из наших». В августе пала смертью храбрых Лия Канторович. Молодая, одаренная, самая смелая из всех нас ,сдав мед.экзамены, ринулась сразу же на передовую, убежав из госпиталя на фронт. Как рассказывают, вышла вперед во время атаки вместе с комиссаром полка и была смертельно ранена,» - так ты написала потрясенным почерком в дневнике. Это была твоя первая потеря. Что ты чувствовала в этот момент,- плакала ли, боялась ли, жалела ли о том, что так распорядилась своей жизнью? Об этом никто и никогда не узнает, но в октябре появились новые строки:»Событие! Окончила школу медсестер...Мне выдали удостоверение... Думала, что сразу отправят на фронт. Это «надо» неотступно преследует меня...Пока работаю в госпитале...Госпиталь отправляют на восток – пока, к сожалению, не на запад , а на восток...»

И вот, Машенька, наконец, свершилось долгожданное : «27 апр.1942г. Дорогие мамочка и папа! Ну вот мы и на фронте .Конечно, не на самых передовых, но и не очень далеко. Работы в госпитале много...». А в июне ты написала в дневнике: «Мы в Ростове –на – Дону. Госпиталь работает вовсю. Работы полно.

Привозят людей в очень тяжелом состоянии. Больные бредят, плачут, называют меня дочкой. У меня на руках умер пожилой солдат – это первая смерть, коснувшаяся меня «глаза в глаза»... Потом оказалось, что ему было всего сорок три года».

Вот и началась твоя война, Мария – самая настоящая, жестокая война... Южное направление было самым страшным в Великой Отечественной. Ни одна земля не знала столько сброшенного раскаленного металла и испепеляющего огня, ни одна земля не слышала столько стонов и предсмертных солдатских криков, ни одна земля не была так изувечена и сожжена, как Сталинградская. А ведь летом 1942 года ты была там, Машенька. Казалось, ничто живое не может сохранить жизнь в этой смертоносной буре, но вы – были, вы – жили, вы выполняли свой долг.

От тебя перестали приходить письма, дневниковые записи становились короче. О том, что ты переживала в эти дни, можно судить по поспешно написанным пляшущим строчкам: «А раны – тяжелые, жутко какие... обширные, рваные, глубокие. Сколько в них осколков! Они впились в кости, застряли в позвоночнике, запутались в кишках, затерялись в мозгах... А еще безногие, безрукие, безглазые, без, без...». Или еще: «Кровь везде и на всем: на перчатках и халатах, на косынках, на лицах, на масках. Кровь забирается в волосы, просачивается до кожи. Пунцовая, красная, пеннистая, тягучая – она стоит в наших глазах в буквальном и переносном смысле слова».

А эта запись в твоём дневнике буквально потрясла меня: «Мои руки в синяках и ранках – больные кусают их, когда им больно. Я не отдергиваю рук – терплю, ведь раненым гораздо хуже»...

Машенька, не знаю, какие подобрать слова, чтобы выразить мысли и чувства. Девиз войны – побеждать, закон войны – убивать врага. Вам, медикам, пришлось быть между схлестнувшимися в смертельном бою силами. Возродить к жизни, спасти не смотря ни на что. Вы были островком света, любви и надежды в океане ненависти. У солдата на войне ни матери, ни любимой. К вам – медсестрам, врачам, санитаркам, санинструкторам тянулись солдатские руки и взгляды за теплом и помощью, вам шептались последние земные слова, вам передавались скупые солдатские просьбы... И последнее, что они ощущали – вашу заботу, вашу боль и слезы... А скольких вы вырвали из рук неминуемой смерти,

сколько судеб, дорог продлили на нашей грешной земле. Но какой ценой, какой ценой...

Где-то я прочитала о результатах титанического медицинского труда: 72 человека из каждых ста раненых и 92 – из каждых ста больных вернулись в строй! Как вам удалось это сделать? Как хватало терпения, стойкости, мужества? Война разделила вашу молодость на до и после войны. Вы мечтали о том, что будет после Победы. И мир представлялся вам радостным, светлым, счастливым. Вы свято верили, что войны больше не будет. Но это зло не ушло из нашей жизни. Ни одна современная война не похожа на ту, которую мы называем Великой Отечественной – другие идеи, другое оружие, другая человеческая психология. Осталось лишь желание жить, и остался подвиг медиков, которые спасают солдатские жизни. Простите нас, что мы не сохранили завоеванный вами «мир», что также гибнут солдаты, матери теряют детей, что мы ожесточились, стали равнодушнее.

Машенька, ты погибла осенью 1942 в Сталинграде. В похоронке скупые слова: «...смертью храбрых...»

А я не верю, понимаешь - не верю. Не может бесследно исчезнуть тот, кто пришел в этот мир с добром, кто молод и красив, кто летит на качелях и смеется в объектив.

Я знаю, что ты меня видишь. Прости меня, Машенька! Прости, что уходит твоя война, что остывает наша память, что ты не долюбила, не вырастила сына.

Прости, что в наших душах нет того света, который сиял в ваших душах...

Прости меня, бабушка...